

ИЗЪ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ¹⁾

Съѣздъ новыхъ гостей начался съ 10-го Августа. Въ сравненіи съ прошлыми годами число желающихъ поступить въ Академію было очень невелико,—всего 44 человекъ. Сопоставляя фактъ такой малочисленности съ сравнительною малочисленностію явившихся въ этомъ году къ приѣмнымъ экзаменамъ и въ другія Академіи, объясненіе ему можно видѣть не въ иномъ чемъ, какъ только въ введенной съ этого года новой постановкѣ приѣмныхъ испытаній. Вошедшіе въ программу послѣднихъ: шестигодичный курсъ Священнаго Писанія и четырехгодичный — церковной исторіи, вмѣстѣ съ расширеніемъ цикла наукъ, въ предѣлахъ которыхъ могли быть заданы темы для письменныхъ сочиненій, очевидно, сильно повліяли на самоувѣренность семинарской молодежи, занятой выборомъ для себя высшаго учебнаго заведенія.

Результаты произведенныхъ испытаній были таковы:

Для письменнаго испытанія по Нравственному Богословію желающимъ поступить въ составъ новаго Академическаго курса была предложена тема: „Можетъ ли христіанинъ быть сторонникомъ матеріальной культуры, оставаясь вѣрнымъ ученію Христа, призывающаго насъ покинуть всякія попеченія о внѣшнемъ благосостояніи“? По отзыву комиссіи, производившей оцѣнку сочиненій, писавшимъ, при достаточно развитой способности разсужденія и связнаго изложенія своихъ мыслей, должно быть поставлено въ упрекъ

¹⁾ Окончаніе. См. Богослов. Вѣстн. Окт., стр. 217—223.

почти совершенное отсутствіе въ ихъ работахъ проблесковъ оригинальнаго мышленія. Надъ самостоятельностью ихъ разсужденій возлѣствовали общія соображенія, вынесенныя изъ семинарскихъ уроковъ и учебниковъ, такъ что оказалось очень немного сочиненій, выдѣляющихся изъ посредственности въ хорошую или дурную сторону.

Для сочиненія по философіи дана была тема: „Что такое необходимость логическая, математическая, физическая, органическая и нравственная?“ Давая такую тему экзаменаціонная комиссія предполагала въ пишущихъ навыкъ къ составленію логическихъ опредѣленій и классификацій и умѣнье самостоятельно, философски распорядиться тѣми научными познаніями, какими должна была снабдить ихъ средняя школа, но общее впечатлѣніе, вынесенное ею отъ прочитанныхъ сочиненій было то, что предложенная тема „оказалась экзаменуемымъ не по плечу“: „они не обнаружили ни навыка къ составленію логическихъ опредѣленій и классификацій, ни удовлетворительныхъ научныхъ познаній, ни умѣнья философски распорядиться ими. Правда, нельзя сказать, чтобы эти три недостатка даны были все вмѣстѣ въ каждомъ изъ прочитанныхъ сочиненій, — болѣе или менѣе счастливыя исключенія въ томъ или другомъ отношеніи встрѣчаются во многихъ сочиненіяхъ, но нѣтъ ни одного сочиненія, которое было бы удовлетворительно во всехъ отношеніяхъ. За то много есть такихъ, которыя подлежатъ серьезнымъ упрекамъ со всехъ трехъ указанныхъ точекъ зрѣнія“. Даже лучшее сочиненіе, — отмѣченное высшимъ балломъ 5, — г. Сулова (волонтера Тверской семинаріи), хотя и представляетъ изъ себя отлично-хорошій трактатъ о необходимости вообще и необходимости логической и математической въ частности, и написано точнымъ и яснымъ языкомъ, но о физической, органической и нравственной необходимости трактуетъ очень бѣгло, спутано и съ присущими и другимъ сочиненіямъ недостатками.

Несовсѣмъ выгодное впечатлѣніе вынесено экзаменаціонною комиссіею и отъ написаннаго экзаменовавшимися ученія на текстъ: „Мнѣ отмщеніе, Азъ воздамъ“ (Рим. XII, 19). Ни одинъ изъ писавшихъ не далъ правильнаго отвѣта на вопросъ и лишь весьма немногіе, и притомъ только отчасти, приблизились къ надлежащему пониманію темы.

Что касается до устныхъ отвѣтовъ, то по Священному Писанію Новаго Завѣта экзаменовавшіеся заявили себя подготовленными настолько, что „безъ особыхъ затрудненій находили глухо помѣченныя на билетахъ или же предлагавшіеся экзаменаторами во время отвѣта мѣста Новаго Завѣта, болѣе или менѣе удовлетворительно объясняли вербальный смыслъ текстовъ, даже иногда трудныхъ, — обнаружили достаточныя общія свѣдѣнія о священныхъ писателяхъ и ихъ писаніяхъ, а также знакомство съ общимъ содержаніемъ священныхъ книгъ Новаго Завѣта“, но на ряду съ этимъ, какъ и на экзаменахъ предшествующихъ лѣтъ, въ нихъ „незамѣтно было вдумчиваго отношенія къ нравственно-психологической сторонѣ Новозавѣтныхъ Писаній“, постиженія внутренне-духовнаго смысла ихъ, „такого общаго-цѣлостнаго, связнаго и стройнаго христіанско-богословскаго воззрѣнія или созерцанія, которое могло бы освѣщать Новозавѣтное Писаніе такъ, чтобы оно было для изучающаго не только грамматико-литературнымъ текстомъ съ извѣстнымъ вербальнымъ смысломъ, но и дѣйствительнымъ, т. е., живымъ и дѣйственнымъ, проникающимъ до раздѣленія души и духа Словомъ Божиимъ“. Между тѣмъ переживаемое нами время является временемъ особенно усилившихся запросовъ къ представителямъ богословскаго вѣдѣнія со стороны невѣрія, полувѣрія и сектантства, — отвѣты на которые мощны дать лишь способные къ „дѣйственному и животворному изъясненію Священнаго Новозавѣтнаго текста“, въ особенности текста Евангелій и посланій Апп. Павла и Іоанна Богослова. Кромѣ того экзаменовавшіеся терялись и при сопоставленіи существующихъ разностей въ славянскомъ и русскихъ текстахъ. Однимъ словомъ, въ ихъ отвѣтахъ нашли себѣ мѣсто тѣ же самыя достоинства и недостатки, которые были отмѣчены экзаменаціонными комиссіями по этому предмету и прежнихъ лѣтъ. Отсюда ясно, что отмѣченныя явленія суть явленія неслучайныя или переходящія, но имѣютъ своимъ корнемъ недостаточную научно-филологическую подготовку къ изученію подлинника богословеннаго текста, а равно какъ и отсутствіе при его изученіи богословско-философской рефлексіи и созерцательной вдумчивости.

Экзаменъ по Священному Писанію Ветхаго Завѣта имѣлъ

цѣлю опредѣленіе степени усвоенія экзаменовавшимся: а) исагогическихъ свѣдѣній о Ветхозавѣтныхъ книгахъ, б) ихъ содержанія, основной мысли и цѣли, в) находимыхъ въ нихъ мессіанскихъ пророчествъ и, наконецъ, г) наименѣе понятныхъ славянскихъ оборотовъ и выраженій. Экзаменовавшимся оказались болѣе знакомыми исагогическія свѣдѣнія. Знанія нѣкоторыхъ изъ нихъ въ этой области выходили даже за границы семинарской программы. Знаніе мессіанскихъ пророчествъ оказалось менѣе удовлетворительнымъ. Многіе при способности къ буквальному воспроизведенію мессіанскаго пророчества не въ силахъ были указать тѣ основанія, по которымъ оно можетъ быть отнесено къ лицу Спасителя. Еще менѣе были удачны отвѣты при передачѣ содержанія той или другой главы извѣстной книги,—уясненіи главной идеи книги и объясненіи неудобопонятныхъ мѣстъ славянской Библии. Особенно рѣзко выдѣлилось плохое знакомство экзаменовавшихся съ Учительными книгами. Большая часть ихъ затруднялись передать содержаніе книги Іова, Екклезіаста и Притчей, выяснить ихъ основныя положенія и протолковать наиболѣе характерныя мѣста въ нихъ. Принимая во вниманіе послѣдній фактъ, можно думать, что время, кладущее на всё печать своего разрушающаго вліянія, отпечатлѣлось и на прежнихъ, быть можетъ, *болѣе богатыхъ познаніяхъ въ этой области экзаменовавшихся.*

По Догматическому Богословію большинство обнаружило очень хорошее знаніе учебника, но большинство также, не исключая и воспитанниковъ, рекомендованныхъ къ поступленію въ Академію Правленіями семинарій, оказалось очень мало знакомымъ съ остальною литературою предмета. Недостатокъ этотъ уже не разъ отмѣчался въ отчетахъ экзаменационныхъ комиссій по этому предмету и прежнихъ лѣтъ.

Тоже самое приходится сказать и относительно экзамена по общей и русской церковной исторіи: „ни одинъ отвѣтъ поступающихъ въ Академію, даже изъ отмѣченныхъ высшимъ балломъ, не давалъ въ себѣ ни малѣйшаго намека на то, чтобы отвѣчающій былъ знакомъ съ существующей на русскомъ языкѣ ученой церковно-исторической литературой“. Устарѣлый учебникъ являлся для нихъ непогрѣшимымъ во всѣхъ своихъ опредѣленіяхъ принадлежности того или

иного писанія извѣстному церковному писателю, хронологии и том. под. Познанія экзаменовавшихся въ общей исторіи оказались значительно уступающими ихъ познаніямъ въ исторіи русской. Особенно слабо оказались усвоенными отдѣлы по исторіи первыхъ трехъ вѣковъ христіанства. Причина этого, быть можетъ кроется въ томъ, что отмѣченные отдѣлы для усвоенія требуютъ значительнаго философскаго развитія, между тѣмъ, по Дѣйствующему Уставу Духовныхъ семинарій, они проходятся въ третьемъ классѣ, т. е., тогда, когда принужденные усвоить ихъ бывають еще лишены достаточнаго обще-философскаго развитія, такъ что семинарская программа оказывается лишенною согласія въ своихъ частныхъ пунктахъ. При предпринимаемой реформѣ семинарій ея измѣненіе въ указанномъ отношеніи было бы очень желательнымъ.

Изъ державшихъ экзамены совершенно не подготовленными къ слушанію Академическаго курса оказались двое.

Вмѣстѣ со студентами семинарій *одинаковымъ* повѣрочнымъ испытаніямъ по новому положенію подверглись и двое волонтеровъ - гимназистовъ. Оба-изъ 7-ой Московской гимназій. Какъ видно изъ донесеній экзаменаціонныхъ коммиссій, своему поступленію въ Академію они предпослали серьезныя занятія въ области наукъ, не имѣющихъ мѣста въ программѣ гимназическаго курса, и обнаружили себя достаточно подготовленными къ слушанію академическихъ лекцій.

Но притокъ желающихъ поступить въ Академію въ наступившемъ учебномъ году не ограничивался этими двумя гимназистами, приобрѣвшими себѣ права студентовъ: двое другихъ воспитанниковъ свѣтскихъ заведеній: одинъ изъ Сергіево-посадской гимназій, а другой изъ Московскаго Коммерческаго Училища, не чувствуя себя еще вполне подготовленными къ слушанію Академическаго курса, подали прошенія о зачисленіи ихъ на годъ въ вольнослушатели, намѣреваясь употребить это время на восполненіе недочетовъ программы средняго свѣтскаго учебнаго заведенія по сравненію съ семинарскою.

Приемные экзамены закончились 31-го Августа. 2-ое Сентября было посвящено на переводные экзамены и переэкзаменовки.

5 Сентября были совершены Преосвященнымъ Ректоромъ въ сослуженіи прочаго Академическаго духовенства два молебствія: одно предъ началомъ занятій въ Академическомъ храмѣ и другое преподобнымъ Сергію и Никону въ Троицкомъ соборѣ Лавры. Предъ началомъ молебствія въ Академическомъ храмѣ Преосвященный Ректоръ обратился къ съѣхавшимся студентамъ съ словомъ.

Содержаніемъ его слова было раскрытіе понятія объ истинной мудрости въ связи съ задачами Академіи, какъ высшей духовной школы. Возглавивъ свое слово извѣстнымъ наставленіемъ ап. Павла, обращеннымъ къ Ефесскимъ ученикамъ,—*Богъ... да дастъ вамъ Духа Премудрости и Откровенія въ познаніе Его, просвѣщенна очеса сердца вашего, яко увидѣти вамъ, кое есть упованіе званія Его* (Ефес. I, 16—20),—Преосвященный указалъ, что это наставленіе апостольское имѣеть полное приложеніе и къ данному обстоятельству, когда вся академическая семья собралась на молитву предъ началомъ учебныхъ трудовъ. Какое упованіе званія нашего? Какая задача нашей школы? Все наше воспитаніе и образованіе, говорилъ Преосвященный, носитъ характеръ по преимуществу духовный, церковный, и въ эту высшую духовную школу, хочется думать, собрала всѣхъ изъ различныхъ и отдаленныхъ мѣстъ любовь къ наукъ богословской, преданность интересамъ вѣры, желаніе проникнуть въ глубину ученія церкви, понять предметы міра духовнаго, религіознаго,—словомъ, исканіе истиной, святой, чистой и небесной мудрости, христіанскаго образованія и просвѣщенія составляетъ ту идеальную цѣль, которая влекла сюда идеальныхъ юношей. Затѣмъ Преосвященный подробно раскрылъ понятіе о свойствахъ истиннаго христіанскаго просвѣщенія, *объ истинной мудрости*, въ отличіе отъ *мудрости міра сего*. Истинная мудрость та, которая стоитъ на божественномъ основаніи, питается животворнымъ духомъ христіанскаго ученія. Не отвергая учености внѣшней, она, выше просвѣщаемая, на все проливаетъ свой плодотворный свѣтъ. Не будучи принадлежностію одного ума, она обнимаетъ сердце и волю человѣка, указывая имъ соотвѣтствующее направленіе. Такая мудрость, пріобрѣтаемая съ большимъ трудомъ и при содѣйствіи благодати Божіей, являетъ собою ту духовную зрѣлость, того мужа совершен-

на, о которомъ говоритъ Ап. Павелъ, какъ цѣли христіанскаго воспитанія.

Въ заключеніе Преосвященный Ректоръ обратился къ студентамъ съ просьбою воспользоваться временемъ своего пребыванія здѣсь для пріобрѣтенія этой духовной мудрости—духовной зрѣлости. „Работайте надъ своимъ умомъ, чтобы просвѣтить его свѣтомъ истиннаго познанія, познаніемъ истиннаго Бога и святой воли Его; работайте надъ своею волею, чтобы укрѣпить ее въ добрѣ и въ послушаніи закону; работайте надъ своимъ сердцемъ, чтобы очистить его отъ страстей и похотей, дабы оно могло сдѣлаться достойною жертвою Богу“.

Но предшествовавшія событія: выходъ въ отставку профессора по кафедрѣ теоріи словесности и исторіи иностранныхъ литературъ І. А. Татарскаго, перемѣщеніе на его кафедру исправляющаго должность доцента по кафедрѣ Нравственнаго Богословія Н. Г. Городенскаго, избраніе на освободившуюся вслѣдствіе этого перемѣщенія кафедру Нравственнаго Богословія преподавателя Рижской духовной семинаріи М. М. Тарѣева и вступленіе въ отправленіе своихъ обязанностей еще годъ тому назадъ избраннаго Совѣтомъ Академіи на свободную кафедру греческаго языка профессорскаго стипендіата Д. Г. Коновалова—отодвинули на нѣсколько дней начало учебнаго года.

По Дѣйствующему Академическому Уставу избранныя Совѣтомъ лица къ замѣщенію кафедръ прежде окончательнаго утвержденія въ своихъ должностяхъ обязаны были прочесть въ присутствіи Совѣта и студентовъ по двѣ пробныя лекціи: по одной на тему, данную Совѣтомъ, и по одной на тему по собственному выбору.

Первыми (6 Сентября) состоялись лекціи М. М. Тарѣева.

Лекторъ окончилъ курсъ въ Московской Академіи въ 1891 году и на годъ былъ оставленъ при ней въ званіи профессорскаго стипендіата. Затѣмъ онъ послѣдовательно проходилъ преподавательскія должности въ Псковской (до 1899 г.) и Рижской духовныхъ семинаріяхъ. За сочиненіе подъ заглавіемъ: „Искушенія Господа Нашего Иисуса Христа. Комментарій на Мѡ. IV, 1—11; Мр. I, 12. 13; Лук. IV, 1—13“, — удостоенъ Совѣтомъ Академіи степени магистра богословія и утвержденъ въ семъ званіи Свят. Синодомъ

18 Февраля 1902 года. Обѣ прочитанныя имъ лекціи и на тему по собственному избранію: „Типы религиозно-нравственной жизни“ ¹⁾, и на тему по назначенію Совѣта: „Религія и нравственность“ были признаны Совѣтомъ удовлетворительными и награждены продолжительными рукоплесканіями многочисленныхъ слушателей.

9-го Сентября вечеромъ въ большой аудиторіи состоялись лекціи Д. Г. Коновалова.

Молодой лекторъ — воспитанникъ Могилевской духовной семинаріи. По окончаніи въ ней курса (въ 1894 г.) онъ, какъ одинъ изъ лучшихъ ея воспитанниковъ, Правленіемъ семинаріи былъ рекомендованъ къ поступленію въ Академію на казенный счетъ. Въ списокъ студентовъ, принятыхъ въ этомъ году въ составъ новаго (LVI-го) Академическаго курса, онъ занялъ первое мѣсто, каковое и сохранилъ за собою до самаго выхода изъ Академіи. Уже на школьной скамьѣ онъ обратилъ на себя особенное вниманіе своими выдающимися изъ общаго уровня письменными работами, свидѣтельствовавшими какъ о его трудолюбіи и широкихъ познаніяхъ, такъ и богатыхъ способностяхъ, позволявшихъ ему прекрасно справляться съ самыми разнообразными темами. Письменные его работы не разъ удостоивались высшей и очень рѣдкой, примѣняемой въ Академіи лишь въ исключительныхъ случаяхъ, отмѣтки, — пяти съ плюсомъ. Въ засѣданіи Совѣта Академіи 5 Юня 1901 года, послѣ сдѣланнаго представленія экстраординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ общей церковной исторіи А. А. Спасскимъ о прекрасныхъ успѣхахъ, оказанныхъ студентомъ Коноваловымъ при прохожденіи Академическаго курса, и о наилучшемъ показателѣ его способностей, его кандидатскомъ сочиненіи на тему: „Ученіе Св. Кирилла Александрійскаго о Лицѣ Божечеловѣка и значеніе его въ Христорогическихъ движеніяхъ V и VI вв.“, было постановлено имѣть его въ виду для замѣщенія вакантной кафедры греческаго языка и его словесности. Для спеціальнаго изученія означеннаго предмета Совѣтомъ Академіи ему было предложено прослушать въ теченіи 1901 — 1902 учебнаго года курсъ лекцій по греческому языку и его словесности въ Имп. Московскомъ Уни-

) Напечатана въ Сентябрьской кн. Богословскаго Вѣстника.

верситетѣ. Пробывъ согласно предложенію Совѣта вольнослушателемъ Московскаго Университета первую половину 1901—1902 учебн. года, стипендіатъ Коноваловъ для большаго ознакомленія съ постановкою дѣла преподаванія въ настоящее время древнихъ языковъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ по собственному желанію и съ согласія Совѣта на вторую половину указаннаго года перешелъ въ вольнослушатели Имп. Санктъ-Петербургскаго Университета. Въ Московскомъ Университетѣ г. Коноваловъ занимался изученіемъ греческаго языка подъ руководствомъ ординарнаго профессора С. И. Соболевскаго. Здѣсь онъ выслушалъ курсы, предложенные въ осеннемъ семестрѣ университетскимъ слушателямъ его непосредственнымъ руководителемъ профессоромъ Соболевскимъ, профессоромъ Ф. Θ. Фортунатовымъ и приватъ-доцентами: С. В. Рождественскимъ и М. З. Мсерианцемъ. Въ весеннемъ семестрѣ 1902 года на историко-филологическомъ факультетѣ Санктъ-Петербургскаго Университета его занятіями по греческому языку руководилъ, недавно скончавшійся, профессоръ В. К. Ернштедтъ. Помимо курса покойнаго профессора Ернштедта, имъ были выслушаны курсы: профессора Θ. Ф. Зѣлинскаго и приватъ-доцентовъ: Ростовцева, Жебелева и Булича. По отзыву профессора М. Д. Муретова, изъ отчета г. Коновалова видно, что онъ употребилъ свой стипендіатскій годъ цѣлесообразно, работалъ въ Московскомъ и Петербургскомъ Университетахъ прилежно и подготовился къ преподаванію греческаго языка и его словесности въ Академіи многосторонне.

9-го Сентября въ переполненной слушателями большой аудиторіи, молодой лекторъ предложилъ лекцію на тему по собственному избранію: „Миміамбы Герода, какъ памятникъ бытового реализма греко-александрійской поэзіи“, для другой его лекціи Совѣтомъ Академіи дана была тема: „*Κοινὴ διάλεκτος* (Происхожденіе и характеръ)“. Особенно интересна была первая лекція по всестороннему бытовому освѣщенію этихъ недавно открытыхъ памятниковъ греческой словесности. Совѣтомъ Академіи обѣ лекціи были признаны вполне удовлетворительными и сопровождаемы дружными, долго несмолкавшими, рукополюсканіями студенчества.

Затѣмъ въ Академіи началось обычное чтеніе лекцій. Вмѣстѣ съ началомъ учебныхъ Академическихъ занятій

начали дѣйствовать и другія учрежденія, существующія при Академіи. 9-го Сентября Помощникомъ Инспектора іеромонахомъ о. Борисомъ, въ сослуженіи студентовъ-законоучителей и при пѣніи студентовъ-пѣвчихъ, былъ совершень молебенъ предъ началомъ занятій въ Академической церковно-приходской школѣ. Въ настоящее время въ ней получаютъ начальное образованіе 50 дѣтей, по преимуществу дѣтей бѣднѣйшихъ классовъ Сергіевскаго Посада. Вновь принято 14 человекъ. Но число желающихъ поступить въ нее было значительно больше. Изъ поданныхъ на имя Преосвященнаго Ректора прошеній видно, что школа пользуется большою славою среди Посадскихъ жителей. Нѣкоторые родители мотивируютъ свои просьбы о переводѣ въ нее дѣтей изъ другихъ начальныхъ школъ Посада тѣмъ, что она „первая изъ лучшихъ“. Кромѣ того, бѣднѣйшіе Посадскіе жители стремятся помѣстить своихъ дѣтей въ нее еще и потому, что учащіеся въ ней, помимо бесплатнаго обученія, имѣютъ права бесплатнаго пользованія учебными руководствами и книгами для чтенія, за что взимается особая плата въ другихъ Посадскихъ школахъ. Непринятымъ въ школу по недостатку мѣста предложено было записаться въ открывшіеся при ней съ 15-го Сентября, по примѣру прежнихъ лѣтъ, Воскресные классы. Какъ оказалось, многіе въ прошломъ году вмѣсто регулярныхъ школъ записали своихъ дѣтей въ Воскресные классы, лишь бы открыть имъ этимъ самымъ доступъ въ Академическую школу на наступившій годъ. При наборѣ учениковъ таковыя намѣренія родителей были приняты въ расчетъ.

22-го Сентбря въ 3 часа дня Преосвященнымъ Ректоромъ съ прочимъ Академическимъ духовенствомъ былъ отслужень молебенъ предъ началомъ вѣббогослужебныхъ собесѣдованій. Намѣченный порядокъ собесѣдованій на наступающій годъ остается прежній. Бесѣдамъ обыкновенно будетъ предшествовать молебствие съ народнымъ пѣніемъ. Въ большіе праздники къ нему будетъ присоединяться чтеніе акаѳиста. Собравшіеся уже на первое собесѣдованіе многочисленные слушатели засвидѣтельствовали насколько сочувственно относятся Посадскіе жители къ этой просвѣтительной дѣятельности Академіи. Первое собесѣдованіе было предложено самимъ Преосвященнымъ Ректоромъ. Намѣтивъ программу бу-

дущихъ собесѣдованій, которая будетъ сводиться къ выясненію предъ слушателями православнаго богослуженія и церковныхъ Таинствъ, самъ Преосвященный Ректоръ, примѣнительно къ этой программѣ, въ предложенной имъ бесѣдѣ раскрылъ предъ слушателями понятіе о христіанскомъ храмѣ и подробно уяснилъ его религіозно-воспитательное значеніе въ жизни христіанина.

Кромѣ Преосвященнаго Ректора, по заведенному обычаю, бесѣды будутъ вестись и студентами.

Церковь тюремнаго замка, какъ и въ прошломъ году, получила отъ Академіи на всѣ праздники ревностныхъ юныхъ чтецовъ и пѣвцовъ. Что касается до церкви самой Академіи, то она каждодневно оглашается пѣснопѣніями Божественной литургіи, за исключеніемъ двухъ дней въ недѣлѣ.

Ведшіеся и пользовавшіеся столь большимъ успѣхомъ въ прошлые года народныя чтенія свѣтскаго характера будутъ имѣть мѣсто и въ настоящемъ году.

Подробное освѣщеніе дѣятельности всѣхъ этихъ перечисленныхъ просвѣтительныхъ учрежденій Академіи за наступившій годъ, въ виду ихъ еще недавняго начала, отлагаемъ до слѣдующаго обзора Академической жизни.

Переходимъ теперь къ событіямъ имѣвшимъ мѣсто въ самыхъ стѣнахъ Академіи и связанныхъ съ ея непосредственнымъ назначеніемъ. 22-го Сентября происходили раннимъ утромъ, носившіе самый сердечный характеръ, проводы студентами бывшаго Помощника Инспектора іеромонаха о. Бориса, назначеннаго на должность Инспектора въ Курскую духовную семинарію. За свое недолгое пребываніе въ Академіи отецъ Борисъ своимъ кроткимъ обращеніемъ со студентами, частымъ вхожденіемъ въ ихъ нужды, своею глубокою религіозностію, ярко отражавшеюся на всей его жизни, снискалъ со стороны ихъ самую горячую любовь къ себѣ. Благодарное студенчество, послѣ молебствія въ Академическомъ храмѣ, совершеннаго самимъ отъѣзжавшимъ, преподнесло ему икону, напутствуя его самыми сердечными пожеланіями. Принимая это подношеніе, какъ залогъ молитвеннаго общенія между нимъ и покидаемою имъ Академію, о. Борисъ растроганнымъ голосомъ и со слезами на глазахъ произнесъ благодарственную рѣчь своимъ бывшимъ воспитанникамъ. Преосвященный со своей стороны благословилъ своего по-

стриженника иконою Препод. Сергія, пожелавъ ему всѣхъ милостей Господнихъ на новомъ и дальнѣйшихъ поприщахъ служенія.

23-го Сентября, вечеромъ, въ Посадъ изволилъ прибыть Преосвященный Митрополитъ Владиміръ на праздникъ преподобнаго Сергія. На другой день, почтивъ своимъ посѣщеніемъ Преосвященнаго Ректора Академіи, онъ затѣмъ присутствовалъ на лекціи проф. И. В. Попова.

1-го Октября Академія праздновала свой годичный праздникъ. Обычная торжественность праздника въ этомъ году была усугублена нарочитымъ пріѣздомъ на него изъ Москвы Владыки-Митрополита. Соединенное съ нимъ воспоминаніе о славномъ прошломъ Академіи началось съ вечера 29-го сентября—заупокойнымъ парастасомъ. 30-го, наканунѣ праздника, утромъ были совершены въ сослуженіи Академическаго духовенства о. Инспекторомъ заупокойная литургія и Преосвященнымъ Ректоромъ „Великая панихида“ по всѣмъ почившимъ „начальствовавшимъ, учившимъ и учившимся, благодѣявшимъ и служившимъ въ Академіи“. вмѣсто причастнаго стиха на заупокойной литургіи студентомъ 4-го курса Д. Троицкимъ было произнесено слово, посвященное славному прошлому Академіи, памяти ея почившихъ наставниковъ, свѣтлые образы которыхъ пройдутъ время „завистливую даль“ и вѣчно будутъ живы и предъ грядущими поколѣніями Академическихъ питомцевъ. Ораторъ въ своемъ словѣ, полномъ юношескаго одушевленія и благоговѣйной памяти къ прошлому родного заведенія, воскресилъ предъ слушателями въ яркихъ чертахъ эти образы. Вечеромъ того же числа, въ залитомъ огнями храмѣ, при огромномъ стеченіи молящихся, Преосвященнымъ Ректоромъ было совершено торжественное всенощное бдѣніе. Пареміи, по давно установившемуся обычаю, были провозглашены заслуженнымъ ординарнымъ профессоромъ Н. А. Заозерскимъ. Къ чтенію шестопсалмія на средину храма вышелъ новый чтець, серебристыя сѣдины котораго сливались съ блескомъ благаго стихаря, въ который онъ былъ облеченъ,—это былъ семидесятилѣтній профессоръ Д. Ѳ. Голубинскій. При взглядѣ на этого представителя минувшихъ Академическихъ поколѣній невольно чувствовались та неразрывная связь, которая установилась между участниками теперешняго торжества и

тѣми, молитвенному воспоминанію о которыхъ было посвящено утро.

Въ день праздника предъ началомъ литургіи прибылъ изъ Москвы Владыка-Митрополитъ. Встрѣченный на вокзалѣ о. Инспекторомъ, Владыка прослѣдовалъ въ покои Преосвященнаго Ректора, гдѣ въ ожиданіи Его собралась вся Академическая корпорація. Удостоивъ нѣкоторыхъ представителей ея разспросами и оправившись отъ пути, Владыка „со славою“ прослѣдовалъ въ храмъ для совершенія литургіи. При чтеніи часовъ чтеца опять замѣнили маститый деньми профессоръ Голубинскій. вмѣсто причастнаго стиха было произнесено слѣдующее слово однимъ изъ студентовъ IV курса:

„Свѣтла и не увядаема есть премудрость, и удобно видится отъ любящихъ ю, и обрящется отъ ищущихъ ю, предваряетъ желающимъ предвидѣться“ (Прем. Сол. VI, 12—13).

Днесь, когда обитель премудрости празднуетъ свое торжество, мысль невольно обращается къ Премудрости. Но не къ той премудрости, которая едва только приподнимаетъ таинственную завѣсу, скрывающую отъ насъ истину, и беретъ у человѣка такъ много силъ и труда, чтобы нерѣдко заплатить за нихъ столькими разочарованіями и печальми. Есть Премудрость, которая на обломкахъ всѣхъ надеждъ людскихъ, всего дорогого сохраняетъ свою силу и служитъ для человѣка послѣднимъ оплотомъ во всѣхъ его исканіяхъ и житейской борьбѣ.

Она Сама говоритъ о Себѣ: „Господь имѣлъ Меня началомъ пути Своего, прежде созданій Своихъ, искони. Отъ вѣка Я помазана, отъ начала, прежде бытія земли. Я родилась, когда еще не существовали бездны, когда еще не было источниковъ водъ, когда еще Онъ не сотворилъ ни земли, ни полей, ни начальныхъ пылинокъ вселенной... Я была при Немъ художницею, и была радостію всякій день, веселясь предъ лицемъ Его во все время“ (Притч. VIII, 22—30). Итакъ, Премудрость, это — предвѣчное Порожденіе Бога, соприсущее Ему Слово, Художница и Строительница великаго зданія міра; Она—Самъ Богъ. Но не будемъ пытаться проникнуть въ сокровенную тайну Божественнаго Существа. Посмотримъ вокругъ себя. Весь міръ, весь

необъятный Божій міръ, полонъ красоты и гармоніи, и передъ одной лиліей полевой блѣднѣетъ величіе всѣхъ одѣяній Соломона (Мат. VI, 28—29). Божественная Премудрость отражается и въ таинственномъ блескѣ небесныхъ созвѣздіи, и въ торжественномъ великолѣпнн водныхъ стихій, и въ царствѣ одухотворенныхъ жизнью существъ, и въ чуть замѣтной полевой былинкѣ. Нужно только внимательнѣе прислушиваться къ дыханію природы, нужно съ умомъ мужа и сердцемъ младенца вступать въ ея святилище, чтобы проникнуть въ ея сокровенную тайну.

Но сократимъ скорѣе поле зрѣнія и заглянемъ въ свою душу. Въ темнотѣ всеневныхъ заботъ и земныхъ пристрастій, подъ толстымъ слоемъ плотскихъ похотѣній мы чувствуемъ тамъ постоянно тлѣющую, но въ минуты нравственнаго просвѣтлѣнія яркимъ пламенемъ вспыхивающую, искру Божественной Премудрости. То Воззвавшій насъ къ бытію наложилъ на нашу душу отпечатокъ Своей Божественности, который постоянно влечетъ насъ къ небу въ неудержимыхъ порывахъ духа ко всему истинному, свѣтлому, доброму. Онъ отпечатлѣлъ въ силахъ и свойствахъ нашей души черты Своего свѣтлаго образа. Эти черты заслоняются обыденной смутой жизни, каждый часъ которой окрашивается на лету тысячами преходящихъ мыслей, ощущеній, интересовъ; онѣ затемняются изменными возжелѣніями, но онѣ — неизгладимы. Жизнь нашей души—это звуки церковнаго колокола. Вылившій его художникъ начерталъ на немъ изреченія Божественнаго глагола. Но его покрыла ржавчина, а прохожіе оставили по себѣ безчисленныя надписи, свидѣтельство ихъ ничтожества, злобы, страстей. Не щадятъ они и Божественнаго глагола. Но подъ этимъ издѣвательствомъ преходящаго надъ вѣчнымъ живъ Божественный глаголь. И едва призовется колоколь къ благовѣсту, задрожитъ онъ всѣмъ своимъ металломъ, и текутъ звуки одинаково и изъ Божественнаго глагола и изъ человѣческихъ надписей и ржавчины...

Искра Божественной Премудрости сіяетъ въ душѣ тихимъ, доступнымъ только просвѣтленному оку, свѣтомъ. Да и Сама Божественная Премудрость въ лицѣ Христа Спасителя явилась въ простотѣ, смиреніи и нищетѣ, и за Нею послѣдовали только кроткіе, нищіе духомъ, буи, непопятные, неразгаданные для мудрецовъ вѣка сего.

Но вотъ передъ нами разноцвѣтными огнями блестятъ и неудержимо манитъ къ себѣ своимъ величественнымъ шествіемъ премудрость „земная“ (Іак. III, 15). „Передо мной—говоритъ она о себѣ—природа обнажаетъ тайну за тайной, покровъ за покровомъ. Она у ногъ монаховъ, уже побѣжденная, закованная въ цѣпи, готовая исполнять мои малѣйшія желанія, даже прихоти. Я разрушила власть времени и пространства. Я похитила небесный огонь и зажгла свѣтъ, передъ которымъ луна кажется желтымъ пятномъ. Я позволила людямъ переговариваться черезъ необозримыя пространства и океаны, и ревъ бури не въ состояніи заглушить ихъ слабый голосъ. Я уничтожила рабство человѣка и снѣтый съ него яремъ труда возложила на стальныхъ рабовъ съ желѣзными мышцами. Сложи же, человѣкъ, на моемъ алтарѣ славный даръ твоихъ сомнѣній. Здѣсь твой богъ, здѣсь твоя жизнь. Я несу тебѣ счастье и свободу“... И человѣкъ пошелъ за нею. Но, увлеченный несбыточными мечтами, онъ покинулъ пріютный кровъ вѣры и въ чаяніи, что его влательница дастъ ему больше, чѣмъ отняла, отдалъ ей все, душу и сердце. И что же? Съ каждымъ днемъ она обогащаетъ его все новыми открытіями и изобрѣтеніями, но цѣль, которой они служатъ, становится темнѣе и туманнѣе, и вопросъ: „куда мы идемъ? къ чему мы придемъ?“ стоитъ у него передъ каждымъ фактомъ современности, не отвлеченно-созерцаемый, но живой, мучительный, бьющій по нервамъ и чувствамъ всякаго чуткаго и мыслящаго человѣка. Человѣкъ пошелъ за нею, но при всѣхъ своихъ усиліяхъ онъ не можетъ найти въ ней ничего, что, будучи ивлечено изъ нея, осталось бы въ душѣ животворною, неотъемлемою, съ нею слянною собственностью, независимо отъ внѣшнихъ обстоятельствъ его земной жизни. Когда же недремлющій разумъ рвется за предѣлы ея побѣды, къ невѣдомому Божеству,—она ведетъ его къ закрытой двери съ надписью: „тайна“. И гдѣ кончается ея торжество, тамъ начинается скорбь человѣческой души.

Она снимаетъ вѣнецъ съ Божественной Премудрости и увѣчиваетъ имъ слѣпой „Случай“. И среди необъятнаго міра мудрецъ земли остается одинокимъ съ своимъ заточеннымъ идеаломъ, окруженный слѣпой игрою постоянно смѣняющихся явленій. Онъ съ грустью чувствуетъ, что для него

вся природа, вся бездна величія и красоты, ни что иное, какъ пустыня великолѣпная, гдѣ властвуетъ необходимость, и посреди которой онъ, ея пророкъ, скоро исчезнетъ, какъ нѣкогда сама она исчезнетъ. Онъ хочетъ слиться съ природой, но она, безмолвная, хранить свою тайну и не даетъ его невѣдѣнію своего безстрастія... Она снимаетъ вѣнецъ съ Божественной Премудрости и облекаетъ имъ уродливую „Пользу“. Но развивающійся скептицизмъ, разбивая обманчивыя надежды, разбиваетъ и самыя дорогіе образы вѣры и чувства и приводитъ человѣка къ отчаянію и пустотѣ... Она снимаетъ вѣнецъ съ Божественной Премудрости и вмѣстѣ съ тѣмъ снимаетъ древній позоръ съ самолюбія и этимъ повергаетъ человѣка въ область грубаго эгоизма, тщеславія и насилій. Вы, слабые и немощные, нищіе духомъ, труждающіеся и обремененные! передъ вами простирается зіяющая пропасть, куда васъ хочетъ ниспровергнуть земная мудрость. Она васъ не хочетъ, какъ вы не хотите Премудрости Небесной... Но нужно ли исчислять всѣ кумиры, увѣнчиваемыя премудростью вѣка сего, отрѣшенною отъ Премудрости „непрестающей“? Сквозь все разнообразіе ихъ слышатся стоны забытаго самовладѣющаго идеала жизни, который бы внесъ порядокъ въ хаосъ нашихъ будней. И въ этомъ причина испытываемой нами жизненной тяготы, томящей насъ тоски, мучительнаго душевнаго разлада. Наказанный за безумную попытку найти Бога безъ Бога, обойти молчаніемъ сокровенныя потребности сердца, искатель истины вмѣсто смысла жизни всюду видитъ бессмыслицу и, безсильный найти примиреніе съ жизнью, падаетъ жертвой своихъ страданій. Какъ часто человѣкъ, едва только увидѣвъ жизнь, уже чувствуетъ безконечное отвращеніе къ ней. Онъ испробовалъ всѣхъ плодовъ, испилъ изъ всѣхъ источниковъ земной мудрости. Они оказались горькими. Онъ ихъ отвергъ и въ смутной тревогѣ останавливаетъ свой взоръ надъ мрачной бездной нирваны. Туманится разумъ, и вотъ уже руки судорожно сжимаютъ веревку или холодное оружіе, губы льнутъ къ стакану съ ядомъ, усталыя ноги бѣгутъ къ рѣкѣ, къ поѣзду желѣзной дороги...

Только обратившись къ себѣ, въ ту глубину души, гдѣ отразилось само Небо, мы можемъ найти источникъ истинной премудрости, просвѣтленной Откровеніемъ и воспитываемой

Церковью,—той премудрости, которая приводитъ къ Богу, сквозь которую просвѣчивается заря вѣчной жизни и полноты существованія. „Я поздно возлюбилъ Тебя, говорить бл. Августинъ въ своей „Исповѣди“, Красота столь древняя и вѣчно новая! Я поздно возлюбилъ Тебя. Ты былъ внутри меня, а я былъ всецѣло внѣ, и тамъ искалъ Тебя, и безобразно врвался въ Твои прекрасныя творенія. Ты былъ со мною, но я не былъ съ Тобою... Свѣта очей моихъ не было у меня. Этотъ свѣтъ скрывался внутри меня, а я метался внѣ себя; онъ не заключался въ пространство, а я устремлялся только къ тому, что заключается въ пространство, и потому не находилъ мѣста для успокоенія и ничто не могло удовлетворить меня до того, чтобы я могъ, наконецъ, сказать: вотъ, я вполне доволенъ!... Но Ты воззвалъ и возопилъ, и расторгъ мою глухоту. Ты озарилъ и возсіялъ, и прогналъ мою слѣпоту. Ты дунулъ, и я воспріялъ духъ, и дышу Тобою. И сама блаженная жизнь въ томъ и состоитъ, чтобы радоваться Тобою; это подлинно блаженная жизнь, и другой нѣтъ“ ¹⁾).

Живое и трепетное проникновеніе въ истину возможно только тогда, когда всеѣмъ содержаніемъ жизни христіанина овладѣваетъ высшая сторона его существа, стремящаяся къ идеалу Богоуподобленія по заповѣди Списителя: „будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ небесный“ (Мѡ. V, 48). Но въ общемъ теченіи жизни душа не можетъ хранить постояннаго равновѣсія. Различными воздѣйствіями она рвется и терзается, живетъ больше то одной, то другой стороной своего существа. Бываютъ моменты духовнаго прозрѣнія, когда въ душѣ яркимъ пламенемъ вспыхиваетъ искра Божія и огненное чувство даетъ смертному всезрящія очи, когда жизнь бываетъ такъ полна, такъ глубока, почти тождественна съ блаженствомъ. Мы не будемъ говорить о восторгахъ ученаго, проникающаго въ тайны природы и жизни, мы не будемъ говорить о вдохновеніи художника, запечатлѣвающаго откровеніе минутъ восторга въ живыхъ образахъ. Когда измученный непосильной борьбой съ жизнью страдалецъ въ таинственный часъ полуночи падаетъ передъ иконою Распятаго, повергается передъ Богомъ, какъ послѣднимъ

1) Испов.. кн. X, гл. 22 и 27.

оплотомъ всѣхъ своихъ исканій, — онъ становится мудрецомъ, постигающимъ и чувствующимъ въ себѣ откровеніе вѣчной гайны бытія. Все земное, преходящее, что еще такъ недавно безраздѣльно властвовало надъ нимъ и неудержимо влекло къ себѣ, ему кажется такимъ суетнымъ, чуть не ничтожнымъ. Когда человѣкъ, тронутый страданіемъ немущаго ближняго, проникается пламенемъ живой любви къ нему, простирающейся до готовности жертвовать собою, и, забывъ про собственную нужду, отдаетъ ему послѣднее, это тоже премудрый, въ которомъ пробилась наружу сквозь толщу эгоизма и себялюбія немеркнущая искра Божія. Пока она властвуетъ въ насъ, пока мы полны одушевленія и вѣры, на душѣ бываетъ такъ легко, а въ мірѣ Божиюмъ кажется все такъ ясно, всюду жизнь — полная смысла и значенія. Но вотъ мы охладѣли, усомнились, дали просторъ своимъ низшимъ желаніямъ и инстинктамъ, и въ этотъ моментъ пропало все: чтò сейчасъ такъ близко было нашей душѣ, что переживалось ею, какъ свое, близкое родное, — его уже нѣтъ, въ душѣ — пустота и томленіе. И человѣкъ, съ тѣмъ же энтузіазмомъ, съ какимъ сейчасъ вѣрилъ, любилъ, рвался къ Богу, погружается въ обыденную смуту жизни, становится торгашомъ, измышляетъ вѣрнѣйшіе пути къ сытному и обезпеченному, но посредственному существованію. Онъ уже забылъ свои исканія, забылъ откровеніе пережитыхъ мгновеній и легкомысленно примирился съ безцвѣтной жизнью....

Полная истина познается полнотою духа и раскрывается лишь полнотою жизненнаго содержанія. Чѣмъ чаще повторяются въ душѣ человѣка моменты духовнаго подъема силъ и энергіи, тѣмъ его жизнь становится глубже, содержательнѣе и осмысленнѣе. Когда же въ душѣ водворяется полновластіе Богоподобной стороны нашего существа, тогда всѣ частныя проявленія жизни сливаются въ гармоническомъ единствѣ, и Самъ Богъ приходитъ въ нашу душу и вечеряетъ вмѣстѣ съ нами. Если мы только преклоняемся передъ воплощеною Премудростію — Христомъ, Онъ для насъ еще далекъ; если мы взвѣсили разсудкомъ евангельскія истины и признали ихъ величайшей мудростію, мы еще не знаемъ ихъ. Спасеніе, совершенное Христомъ, является намъ, какъ откровеніе новой жизни, какъ благодать, какъ любовь. Но

любовь постигается только любовью, живою и дѣйственною, которая развивается и крѣпнетъ по мѣрѣ приисенныхъ жертвъ. Откровеніе дѣлается доступнымъ намъ только тогда, когда мы носимъ его въ душѣ, какъ предощущеніе, когда раскрываемъ его, какъ родную стихію. По мѣрѣ религиозно-нравственнаго совершенства, все болѣе и болѣе просвѣтлѣваетъ образъ Божій въ человѣкѣ. Когда же кончается брань духа съ плотью, борьба истины со страстями, въ таинственномъ святилищѣ его духа восходитъ свѣтлое солнце истины и лучами своими озаряетъ темный, плотской горизонтъ, давая человѣку сокровище, котораго ни червь не точитъ, ни ржа не ѣстъ, ни тать не похищаетъ.

Разумѣется, путь религиозно-нравственнаго развитія полонъ лишеній, самоограниченій, страданій, жертвъ. Но безъ борьбы нѣтъ жизни, нѣтъ движенія. И посмотрите, съ какимъ героизмомъ избранники Божіи пріобрѣтали премудрость, окрылявшую ихъ духъ и сообщавшую гармоническую полноту ихъ жизни. „Иные замучены были; другіе испытали поруганія и побои, а также узы и темницу; были побиваемы камнями, перепиливаемы, подвергались пыткамъ; умирали отъ меча, скитались въ милотяхъ и козьихъ кожахъ, терпя недостатки, скорби, озлобленія; тѣ, которыхъ весь міръ не былъ достоинъ, скитались по пустынямъ и горамъ, по пещерамъ и ущельямъ земли“ (Евр. XI, 35—38). Мудрые, какъ зміи, и кроткіе, какъ голуби, они жертвами, борьбой, трудами, лишеніями созидали въ себѣ внутренняго человѣка по вѣковѣчному идеалу Божественной Премудрости. Они умерли для земли. Но надъ ихъ священными гробницами совершается торжество примиренія. Человѣчество благословляетъ ихъ память и дивной повѣстью объ ихъ страданіяхъ не возмущается противъ жизни, но въ умиленіи сердечномъ мирится съ нею и укрѣпляется въ силѣ бороться съ препятствіями на пути къ достиженію совершенства.

Христіанинъ, воплотившій въ себѣ идеаль совершенства и живущій Богоподобной стороною своего существа, свободенъ и властвуетъ надъ жизнью. Онъ можетъ воспринять въ себя всю мудрость земную и озарить ее свѣтомъ, исходящимъ изъ глубинъ его просвѣтленнаго духа. Премудрость Божественная не только не изгоняетъ изъ жизни мудрости земной, но если она проникнута вѣковѣчными идеалами От-

кровенія, если она захватываетъ всего человѣка съ его задушевными запросами и стремленіями, трудъ человѣческаго ума призывается Ею для озаренія, укрѣпленія и украшенія жизни. Развѣ солнце говоритъ звѣздамъ: угасните, чтобы мнѣ взойти? Оно восходитъ, и слабое сіяніе звѣздъ утопаетъ въ свѣтѣ безконечно сильнѣйшемъ. Развѣ день говоритъ свѣтильнику: погасни, ты мнѣ мѣшаешь? Онъ разгорается, и мерцаніе свѣтильника растворяется въ его свѣтѣ. Истинная небесная Премудрость, какъ день, какъ солнце, свѣтитъ въ душѣ и совѣсти, въ Откровеніи и Евангелии, не угашая ничьего свѣта и лишь разгоняя тьму. И земная мудрость только тогда служитъ истинному назначенію, когда она озаряется сіяніемъ вѣчной истины, согрѣвается ея тепломъ, одухотворяется ея красотой. Неудовлетворенный идеаль, живущій въ людяхъ, требуетъ и алчетъ, чтобы она пришла къ Премудрости Божественной, соединилась съ Нею и почерпнула для себя глубокое и животворное содержаніе. Приглядитесь къ жизни, и вы услышите вездѣ призывы къ миру, любви, братству, взаимопомощи, вы подмѣтите мучительные поиски живого, личнаго Бога, развитіе нравственнаго сознанія, стремленіе сблизиться съ Церковью Христовою... Она придетъ, она уже идетъ... Это то, во что вѣруетъ, чему служить, къ чему стремится, чѣмъ одушевлена наша школа.

По окончаніи литургіи Владыка съ многочисленнымъ духовенствомъ, прибывшимъ изъ Москвы и Посада, совершилъ торжественный молебенъ.

Въ концѣ молебна, предъ провозглашеніемъ многолѣтія, Владыка обратился со словомъ, въ которомъ слушателями разумѣлись главнымъ образомъ юные питомцы Академіи. Одушевленно и со властію было обращенное къ студентамъ слово Владыки. Указавъ на тѣ предрасудки, которыми болѣетъ мысль современной интеллигенціи, отрицающаяся Откровенія, допускающая самобытность міра, горделиво превозносящаяся успѣхами позднѣйшихъ открытій въ области положительныхъ наукъ и вѣрящая только въ прогрессъ,—Владыка особенно долго остановился на выясненіи того ложнаго мнѣнія, будто мысль и жизнь человѣчества непрестанно прогрессируютъ. Жизнь чувствъ, — говорилъ Владыка,—теперь отрицается, отрицаются и все подвиги сми-

ренія и самоотреченія... Горделивый, превозносящійся разумъ современнаго „сверхъ-человѣка“—все подвергъ сомнѣнію. Прежнія вѣрованія ему кажутся пустыми мечтаніями. Есть ли Богъ?—Это еще вопросъ. Есть ли душа?—Новый вопросъ. Есть ли загробная жизнь?—Опять вопросъ. Есть ли нравственность..., и такъ дал... И нѣтъ конца этимъ вопросамъ... И забыты теперь совершенно Евангельскія слова, призывающія къ смиренію: „Аще кто хочетъ по Мнѣ идти, да отвержется себе и возьметъ крестъ свой и по Мнѣ грядетъ“... И мудрость „вѣка сего“—„буйство“ у Бога. Посему „блудитесь, да никтоже вы прельститъ“, обольстительная сила современныхъ лжеумствованій подобна обманчивымъ оазисамъ безводной пустыни, плѣняющимъ жаждущаго путника. Успѣхи естествознанія, быстрота и совершенство изобрѣтеній, этотъ всеми ощущаемый прогрессъ—ничего не дадутъ сердцу, жаждущему Высшей Истины. Они безсильны примирить человѣка съ Богомъ и его собственною совѣстію. Этого примиренія нужно ждать не отъ прогресса, стремящагося удовлетворить тѣмъ или инымъ запросамъ человечества, а отъ „Агнца Божія“, за насъ закланнаго... И о чемъ свидѣтельствуетъ исторія человечества?— О прогрессѣ ли? Не о непрестанномъ ли круговращеніи мысли?!.. Человѣкъ въ своемъ историческомъ шествованіи подобенъ путнику, задавшемуся цѣлю идти все впередъ и впередъ... Но какъ путникъ при кругловидности земли въ своемъ стремленіи идти все впередъ въ концѣ концовъ обязательно долженъ возвратиться къ тому мѣсту, отъ котораго отправился, такъ тоже самое происходитъ и съ человѣческимъ разумомъ, стремящимся идти впередъ, надѣясь на свои собственные только силы. Гдѣ теперь тѣ успѣхи цивилизаціи, которыми такъ хвалился древній Греко-римскій міръ?! Большинство изъ нихъ покрытъ прахъ и пепель... Исторія сохранила отъ него только слабыя мечты о Высшемъ Существовѣ, да и то принадлежавшія не всѣмъ, а лишь немногимъ лучшимъ представителямъ его; и больше дошли до насъ сказанія о злыхъ дѣлахъ и безумствахъ людей этого погибшаго міра. И не случится ли тоже самое и съ современнымъ міромъ, превозносящимся своимъ владычествомъ надъ природою?—Послѣдующая исторія запишетъ на своихъ скрижаляхъ не объ этомъ владычествѣ, но о томъ, какъ царствовалъ въ

наше время порокъ, какъ кипѣли страсти, какъ эгоизмъ попираля любовь,—запишетъ: какія происходили возмущенія, убійства и... даже цареубійства, какъ падала семейная жизнь, какъ расторгались нравственныя узы. Послѣдующіе писатели сдѣлають должную оцѣнку дѣламъ современнаго человѣка, мнящаго себя богомъ, и падеть слава этого бога...

И не боюсь тѣхъ укоровъ, которые могутъ послѣдовать за такое слово въ стѣнахъ учебнаго заведенія,—властно закончилъ рѣчь свою Владыко,—не бойтесь и вы, слушая и раздѣляя высказанныя въ немъ сужденія. Пусть укоряють васъ въ отсталости, неподвижности, задержаніи. прогресса. Не бойтесь этихъ укоровъ. Истина христіанская вѣчно жива, и я увѣщаваю васъ моею пастырскою любовію къ вамъ: держитесь вѣчныхъ истинъ христіанства, — знайте, что измышленія гордаго человѣческаго разума обветшаютъ и обличатся въ своей неправдѣ.

За этимъ словомъ, полнымъ любви и мудрости Архипастыря, слѣдовало провозглашеніе многолѣтня всѣмъ борцамъ за истину православія, покрытое согласнымъ и мощнымъ „многая лѣта“ тѣхъ, къ кому онъ въ немъ обращался.

Изъ церкви Владыко, въ сопровожденіи начальствующихъ и служащихъ при Академіи и прибывшихъ должностныхъ лицъ отъ различныхъ Московскихъ и Сергіевопосадскихъ учреждений, прослѣдовалъ въ Академическую столовую, гдѣ благословилъ студенческую трапезу.

Послѣ этого въ „Палатахъ Академіи“ состоялся торжественный актъ. Очередная рѣчь была произнесена ординарнымъ профессоромъ С. С. Глаголевымъ. Ораторъ темою для своей рѣчи приноровительно къ событію дня избралъ: „Безсмертіе потомства“. Цѣлю рѣчи было выясненіе сохраненія всѣхъ событій, имѣвшихъ мѣсто въ прошломъ: матеріальныхъ (физическихъ) по формѣ, психическихъ—по содержанію. Рѣчь оратора была награждена долго несмолкавшими рукоплесканіями.

Вслѣдъ за рѣчью профессора Глаголева Секретаремъ Академіи прочитанъ былъ отчетъ о состояніи Академіи за 1901—1902-ой учебный годъ, помѣщенный въ Октябрьской книгѣ Богословскаго Вѣстника, причемъ Преосвященнымъ Ректоромъ Академіи торжественно были провозглашены новые Почетные Члены Академіи, избранные въ предшествовав-

шесть заседаній Совѣта, а именно: 1) Высокпреосвященный Арсеній, Архіепископъ Казанскій и Свѣязскій—во уваженіе его многоплодной педагогической, пастырской и Архипастырской дѣятельности и просвѣщеннаго содѣйствія къ изданію богословскихъ ученыхъ трудовъ; 2) Преосвященный Наанаилъ, Управляющій Московскимъ Спасо-Андроніевымъ монастыремъ,—во вниманіе къ его свыше 50-лѣтней педагогической, пастырской и Архипастырской дѣятельности; 3) Преосвященный Іоаннъ, Епископъ Аксайскій, Викаріи Донской епархіи, — во уваженіе его профессорской службы въ Академіи и ученыхъ трудовъ по исторіи древней церкви и современныхъ инославныхъ исповѣданій и сектъ; 4) благочинный придворныхъ соборовъ въ Москвѣ, настоятель Верхоспаскаго Собора протоіерей Николай Васильевичъ Благоразумовъ—во уваженіе его долговременной педагогической и духовно-административной дѣятельности и богословско-литературныхъ трудовъ; 5) бывший заслуженный ординарный профессоръ Московской Духовной Академіи. Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ, Григорій Александровичъ Воскресенскій,—во уваженіе къ тридцатилѣтнему профессорскому служенію его въ Академіи и многочисленнымъ и плодотворнымъ научнымъ трудамъ его по современному славяновѣдѣнію, по русской литературѣ и особенно по изслѣдованію исторіи древнеславянскаго рукописнаго Новозавѣтнаго текста, и 6) бывший заслуженный экстраординарный профессоръ Академіи, Статскій Совѣтникъ, Іерофей Алексѣевичъ Татарскій,—во вниманіе къ двадцатисемилѣтней профессорской дѣятельности его въ Академіи и учено-литературнымъ трудамъ. Два послѣдніе, находившіеся среди присутствовавшихъ, новые Почетные Члены Академіи были привѣтствованы въ своемъ новомъ высокомъ званіи дружными рукоплесканіями своихъ недавнихъ сослуживцевъ и слушателей.

Данныя прочитаннаго отчета, заслуживающія особеннаго вниманія, какъ характеризующія внутреннюю жизнь Академіи за истекшій учебный годъ, отмѣчены на предшествующихъ страницахъ предлагаемаго ея обзорнія.

Лучшіе студенты трехъ старшихъ курсовъ удостоились получить изъ рукъ Владыки присужденныя имъ Правленіемъ Академіи награды деньгами и книгами.

Актъ закончился торжественнымъ пѣніемъ гимна и тропаря празднику. Затѣмъ почетные гости перешли въ покои Преосвященнаго Ректора, гдѣ имъ была предложена трапеза, носившая самый сердечный характеръ. За трапезою были возглаголены многолѣтія Государю Императору, Высокопресвященному Владиміру, Преосвященному Ректору и инымъ присутствовавшимъ здѣсь лицамъ какъ изъ Академической корпораціи, такъ и почтившимъ Академію въ день ея годовичнаго праздника: представителямъ Московской и Виѣанской семинарій, Сергіевопосадской гимназіи и т. под. Въ отвѣтъ на тостъ, провозглашенный Преосвященнымъ Ректоромъ, Владыко Митрополитъ въ самыхъ сердечныхъ выраженіяхъ высказалъ одушевляющія его чувства пріязни къ Академіи. Не равнодушіе къ Академіи, а исключительно недосугъ,—говорилъ Владыко,—былъ причиною тому, что онъ лишь теперь собрался на Академическій праздникъ, на который давно просилась душа его. Растрогавшая присутствовавшихъ, глубоко сердечная рѣчь Архипастыря была покрыта единодушнымъ „многая лѣта“. Но и тутъ дѣла многотруднаго служенія воспрепятствовали Владыкѣ пребыть долѣе въ радостно принимавшей его праздничной Академіи. Онъ оставилъ покои Преосвященнаго Ректора задолго ранѣе до того времени, какъ оставили ихъ остальные участники Академическаго праздника. Рѣчь оратора „о безсмертіи прошедшаго“ своимъ содержаніемъ вызвала среди присутствовавшихъ многообразныя историческія воспоминанія, связанныя съ прошлою судьбою Академіи, которыя и вылились въ ихъ застольныхъ рѣчахъ. Таковыя рѣчи говорили профессора: Голубинскій, Воскресенскій, Заозерскій...

Не забыли своей „almae matris“ въ день годовичнаго ея праздника и ея бывшіе питомцы, находящіеся теперь на высокихъ постахъ общественнаго служенія, привѣтствуя ее телеграммами. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ: „Привѣтствую родную Академію съ торжествомъ празднованія годовщины ея основанія. Да поможетъ ей Господь и впредь съ великой честью нести благополучное служеніе свое церкви и отечеству. Епископъ Никандръ“. „Сердечно привѣтствую дорогую Академію. Благодарный ученикъ, Сергій, Епископъ Псковскій“. Привѣтствовали ее и другія лица и учрежденія, служившія въ ней или имѣющія къ ней отношеніе. Такъ,

бывшій ея Ректоръ, Преосвященный Антоній, Епископъ Волынской, телеграфировалъ: „Дорогую Академію, находящуюся въ сердцѣ Россіи, привѣтствую съ далекой окраины. Покровъ Матери Божіей да хранить ее“. „Сердечно привѣтствуемъ дорогую алмам matrem съ праздникомъ“,—телеграфировали смотритель и преподаватели Волоколамскаго Духовнаго Училища. Были получены благодарственныя телеграммы и отъ вновь избранныхъ Почетныхъ ея Членовъ. На другой день Академія возвратилась къ обычнымъ своимъ научнымъ занятіямъ.

Благополучно заверченный годъ и отмѣнная честь, оказанная ей въ послѣднее время, да укрѣпять ее и на будущее время въ ея неуклонномъ шествованіи по пути выполненія высокихъ, благородныхъ и плодотворныхъ цѣлей. „Да поможетъ ей Господь и впредь съ великою честью нести благополучное служеніе свое Церкви и отечеству“. „Покровъ Матери Божіей да хранить ее“.

Б—скій.
